

Г. М. ШИПИЦЫНА
(Белгород, Россия)

ПРОЦЕССЫ ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА¹

В статье рассматривается процесс приобретения дополнительных лексико-семантических вариантов (семем) общеупотребительного назначения частотными экономическими терминами в русском языке XXI века и раскрываются языковые механизмы этого процесса на уровне смысловой структуры семемы.

Ключевые слова: экономическая терминосистема, семема, многозначность, детерминологизация, общеупотребительное значение, эвфемизмы.

В русском языке XXI века активизировалась экономическая лексика. Слова из сферы экономики выходят за пределы профессионального общения в связи с тем, что экономические вопросы развития страны заняли центральное место в общественной коммуникации во всех ее разновидностях. Под влиянием значительных социокультурных изменений в жизни носителей языка более или менее упорядоченная экономическая терминосистема советского времени значительно обновила свой состав, а главное — преобразовала его в отношении активного и пассивного запаса. В рамках этих процессов происходит не только архаизация профессиональной лексики социалистического периода, но и вливание в современную экономическую терминосистему значительного по объему пласта заимствований, а также языковых средств из разряда реактивизированных, то есть слов и устойчивых словосочетаний, возвращенных в активное употребление из пассивного, архаичного словаря, характерного для периода развития капитализма в царской России. Выше названные явления отражают общие тенденции в развитии языка нового времени, в связи с этим изучение разнообразных процессов в сфере экономической терминологии, характерных для русского языка XXI века, оказывается актуальной задачей лингвистики.

Современную экономическую терминологию новым объектом изучения не назовешь: она изучалась и сейчас изучается в различных аспектах. Так, в обобщающей статье М. В. Китайгородской [1, с. 162–236] экономическая терминология проанализирована со многих сторон. Автором этой статьи исследованы социальные и языковые факторы, обусловившие изменения в составе данной терминосистемы, показаны источники ее обновления, детально представлены продуктивные способы номинации в зоне экономического терминообразования, выявлены различные книжные и

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2009–2013 годы (г/к № 16.740.11.0295).

разговорные сферы функционирования современной экономической лексики и фразеологии. Предметом же нашей статьи избран вопрос о развитии многозначности у частотных экономических терминов путем приобретения ими дополнительных лексико-семантических вариантов (семем) общеупотребительного назначения (и в этой новой функции термина происходит его детерминологизация). В статье ставится задача раскрыть языковые механизмы такой детерминологизации.

Поскольку частотность употребления экономической лексики возрастает, круг возможных контекстов и способность экономических терминов сочетаться с самыми разными словами, в том числе с общенародными разговорными, увеличивается. В результате слова из сферы экономики приобретают еще и общеупотребительное значение, увеличивая объем смысловой структуры своей словарной лексемы.

Покажем эту тенденцию на примере слова *дивиденд* (от лат. *dividendum* — “то, что надлежит разделить”). До 1991 года это слово имело единственное значение и употреблялось только как единица экономической терминосистемы: “в капиталистическом обществе: прибыль, получаемая участниками какого-либо предприятия пропорционально вложенному капиталу”. Например, *дивиденды акционерного общества, дивиденды от вложенного капитала* (МАС). К концу XX века это слово в книжной речи (особенно в сфере политики как наиболее связанной с экономикой) настолько расширило круг своей сочетаемости, что его новые смыслы в качестве самостоятельных лексико-семантических вариантов зафиксировали составители новейших словарей. Например, в БТС — “О благоприятных последствиях чего-либо сделанного, приобретенного ранее, которыми пользуются в настоящее время” и с примером, точно иллюстрирующим это значение: *Забота о детях приносит дивиденды в старости*. В ТСЯИ отмечается уже сформировавшееся в результате многократного употребления этого слова в новых контекстах устойчивое выражение — *политические дивиденды* (“преимущества в политической конкуренции, борьбе”). Например: *Есть люди, которые заинтересованы в столкновении государственных структур с шахтерами. Из этой ситуации они извлекают политические дивиденды для себя* (Огонек, 1993, 5). В ТСХХI дается под № 2 переносное значение “преимущества, выгода в чем-либо” с примерами в таких контекстах: *политические дивиденды, получить дивиденды с какого-либо события, случая, поступка* и т. п.

В развитии семантики этого слова наблюдается метафорический перенос наименования, основанный на перемещении свойств одного предмета на другие. Языковым механизмом этого процесса стала актуализация семантических компонентов ядерного слова в дефиниции основного (экономического) значения — *прибыль* (то есть *польза, выгода, преимущество*), и эти компоненты дали возможность расширить сочетаемость слова *дивиденд*. В пределах терминологического значения сигнификативная ядерная архисема слова *дивиденд*, заполняя собою почти весь объем смысловой структуры семемы, была самодостаточной и постоянной, поскольку сфера функционирования терминологического значения четко задавалась совершенно определенными дистрибутивными параметрами: в препозиции это оценочное

или количественное прилагательное (*хороший, существенный, большой, незначительный*), а при глаголах (в любой дистрибутивной позиции) со значением “получение объекта” в текстах экономического содержания. В таких контекстах непременно проявлялась семантика периферийного блока сем, выраженных в дополнительной части словарного толкования, — “получаемая участниками какого-либо предприятия пропорционально вложенному капиталу”. Приобретение общеупотребительных значений у слова *дивиденд* происходит без серьезной трансформации архисемы, в основном за счет замены этого периферийного семного блока иным, уже не связанным с семантикой “вложения капитала”. Отсюда набор меняющихся сем в дифференцирующей части значения от контекста к контексту, в первую очередь сем денотативного характера, и эта замена сем обеспечивает обновление компонентного состава производного лексико-семантического варианта на фоне исходного с экономическим содержанием. Обновленный периферийный (денотативный) блок значения может обозначать любую деятельность, устремленную на получение каких-либо преимуществ, выгод в будущем. В данном случае креативные усилия носителей языка направлены на преодоление строгой синтагматики термина, играющей решающую роль в сохранении его терминологического статуса. За пределами этой синтагматики, а также и парадигматики в своей специальной микросистеме, термин теряет свои сигнификативные и дефинитивные свойства, испытывая воздействие более обширной парадигматики и синтагматики всего лексического фонда языка, обусловленного тенденциями в развитии языкового вкуса эпохи.

Примеры: *Переключаю телеканалы, и мне кажется, что человеческий мир сейчас — недобрый детский сад, в котором “воспитатели” соблазняют своих наивных “воспитанников”. Дивиденды от тотальной обработки людей несравненно обильнее, чем от любого другого труда. С малолетства насаждается “образ жизни”* (Комсомольская правда, 2007.12.05); *Размениваться же на марши согласных или несогласных и прочие “молодежные” уличные акции — значит терять время и позволять кому-то получать легкие дивиденды. Управление массами — весьма доходное дело* (РБК Daily, 2007.10.29); *К слову, сомневаюсь, что кто-то из украинских политиков извлечет дивиденды из сложившейся ситуации: при любом дальнейшем раскладе расстановка сил на политической арене, скорее всего, останется прежней* (Труд, 2007.04.04); *Быть здоровым и творчески активным человеком — это самый ценный дивиденд* (Труд, 2006.08.05); *Нам важно, чтобы независимо от того, победят ли в итоговом конкурсе финалисты, они получили дивиденды в виде нового опыта* (Известия, 2007.12.24); *Они решили отдохнуть от стрессовых нагрузок большого спорта и снять дивиденды со своего триумфа* (Советский спорт, 2007.04.04).

Последнее (переносное) значение хорошо иллюстрирует факт значительного расширения сферы употребления этого слова в современной речи и изменения его статуса в новом значении (от статуса узкоспециального экономического термина до статуса общеупотребительного слова). Поэтому не приходится удивляться, что ученик 7-го класса сказал такую фразу: *Я буду стараться выполнять хорошо все домашние задания по математике, а*

свои *дивиденды от этого я получу в конце учебного года* (из записи детской речи автором статьи). Во всяком случае с семантической точки зрения она вполне допустима и современна, хотя совсем недавно она могла квалифицироваться как некорректная со стилистической точки зрения, а именно: слово *дивиденд* было книжным экономическим термином, употребляемым в контекстах о капиталистических отношениях в сфере производства.

Обновление сочетаемости слов в живой речи — это движущая сила любых языковых изменений, в том числе изменений в функциональном статусе лексической единицы. Обновление сочетаемости у частотных экономических терминов стало языковой приметой современной эпохи. Например, у таких слов, как *банкрот, собственник, промышленник, магнат, предприниматель, коммерсант, мафиози; баланс, бизнес, дефицит, капитал, монополия, приватизация, рынок*. Получается, что определить раз и навсегда границу между допустимым и недопустимым в сочетаемости слов невозможно, да и не нужно к этому стремиться.

Знание обозначаемого предмета и его свойств является концептуальной, а также смысловой, структурной и материальной базой для решения проблем номинации, однако в каждом из отдельных номинативных актов при образовании конкретных семантических единиц весь объем знаний об этом предмете и его свойствах, весь круг общекультурного фона объекта безусловно не используется. В номинативном акте актуализируется минимум возможных свойств денотата, на что указывал А. А. Потебня в своем знаменитом учении о внутренней форме слова. В актах номинации наряду с объективно-отражательными процессами познавательной деятельности человека через внутреннюю форму передаются моменты фантазии и языкового творчества носителей языка. У многих производных значений слов результат номинативного акта представляет собой закрепление в звуковой оболочке субъективных представлений носителей языка о номинируемых сущностях и их признаках, и эти субъективные представления не всегда соответствуют словарному значению.

В то же время часть детерминологизировавшихся слов и словосочетаний употребляется в качестве эвфемических средств для облагораживания негативной информации и придания речи, особенно публичной, черт “интеллигентности”. Например, синонимичный ряд терминообразных словосочетаний со значением “незаконное вознаграждение, взятка чиновнику”, эффективно камуфлирующий преступление: *административная рента, статусная рента*. Например: *В условиях нереструктурированной системы госслужбы преобладающими у чиновников являются интересы извлечения статусной (административной) ренты (СЭРЯ)*. К этому же синонимическому ряду относится словосочетание, еще более изощренно прикрывающее сущность называемого порока (денотата): *решать вопрос по коммерческому сценарию* или *решать вопрос в коммерческом формате*. В публичной официальной речи именно этим словосочетаниям отдается предпочтение, хотя в разговорной речи и просторечии их всегда было предостаточно: *дать на лапу, отпереть золотым ключом, дать барашка в бумажке, сунуть в руку, дать взятку*. Создается впечатление, что язык точно отражает состояние дел в

объявленной компании “борьба с коррупцией”, иначе зачем создается ряд эвфемических средств для вуалирования сути этого социального зла? В языке не бывает ненужных средств.

Слово *коммерческий* пока частотно в создании камуфлированных выражений, выполняющих различные эвфемические функции. Они создаются для снижения негативного восприятия обозначаемого явления обществом, воспитанном на иных ценностях культуры: *коммерческий фильм, спектакль* и т. п. — “ориентированный на получение прибыли”; *коммерческий туризм* — “то же, что *челночный бизнес*”; *по коммерческим соображениям* — “по желанию не упустить выгоду или в связи с ее видимым отсутствием”. Эвфемизмы позволяют не обнажать истинную сущность денотата, упрятать ее под оболочку не всем понятного, часто иноязычного, термина с широким и неопределенным значением синсемантического типа, конкретизирующимся лишь в сочетании с именем существительным: *коммерческие цены* — то есть “свободные, произвольно высокие цены”, *коммерческое обучение* — “платное”; *коммерческий секс* — “проституция”. Устойчивые обороты этого типа создаются для нейтрализации прагматической составляющей семантики основного наименования, которая негативно воспринимается обществом, следовательно, социально небезопасна.

Или словосочетание *нисходящая коррекция* в контекстах со значением “снижение, упадок чего-либо в социальной сфере”: *По их прогнозу, серьезная нисходящая коррекция может начаться ближе к концу марта* (Известия, 06.16.2001). А *нисходящая коррекция* потребует *гармонизации положения дел* (выражения мыслей таким способом напоминают эзопов язык для посвященных в его тайны). Весьма востребованной в XXI веке оказалась и такая неофразема, как *нецелевое использование денежных средств*, поскольку она “улучшает” характер денотата, тем самым позволяет бережно и робко называть служебное преступление чиновников.

Достижению достаточно высокой степени вуалирования прямого и чем-либо неприятного для адресата речи смысла способствует апеллирование говорящего к высоким инстанциям, официальным понятиям как носителям конечной истины, например, в выражениях *наведение конституционного порядка, вернуть ситуацию в конституционное русло, властная вертикаль*.

Впрочем, если терминологическое сочетание слов, соответствуя книжному стилю и официально-деловому тону документа, не выражает нужной для адресантов текста прагматики, такое сочетание может быть прокомментировано уже в самом документе с использованием более экспрессивных средств. Например, в тексте “Этического кодекса” страховой компании “Авеста” сказано так: “Мы понимаем, что благополучие нашего бизнеса напрямую зависит от доверия потребителя, так как полезность приобретенного продукта наш потребитель может оценить только в будущем, и только в результате страхового события, то есть когда случается беда” (office@avesta.ru). Данный пример прекрасно иллюстрирует использованный авторами этического кодекса прием деэвфемизации высказывания. Вуалирующее суть явления канцелярское выражение *страховое событие* им представляется

неэффективным для привлечения клиентов, потому что оно не возбуждает чувства опасности, тревоги, как это способно сделать слово *беда* с яркой денотативной семой “несчастье, горе, большая опасность”. В семантической структуре слова *беда* есть и яркая сема отрицательного оценочного значения: беда — это ужасное событие, катастрофа. Апеллирование к сильным чувствам потенциальных клиентов осуществлено путем перехода с канцелярско-делового стиля на эмоциональный разговорный, с манерой объяснить клиенту суть дела “по-человечески” и заодно “пропугать” его наперед.

Итак, использование терминов для облагораживания речи — это типичное выражение языкового вкуса современной эпохи, характерное не только для экономической сферы, оно действует во всех сферах социальной коммуникации. В каждом отдельном случае, как правило, детерминологизацию слова или оборота обеспечивает целый комплекс факторов, причин и условий, в том числе воздействие системных связей в лексике для выстраивания четких парадигм как средства конкретизации семантики новообразования, сравн.: *эконом-класс — бизнес-класс, обучение на коммерческой основе — обучение на бюджетной основе, рыночная цена — фиксированная цена*.

Перспективным аспектом исследования семантического развития терминов может стать изучение трансформаций в системных связях семантических неологизмов, образовавшихся в языке XXI века на базе терминологической лексики и фразеологии.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- БТС — Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. — СПб., 1998. — 1536 с.
МАС — Словарь русского языка: В 4 т. — М., 1957–1961.
СЭРЯ — Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. — М., 2008. — 464 с.
ТСЯИ — Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. — СПб., 2002. — 700 с.
ТСХХI — Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. — М., 2006. — 1136 с.

1. *Китайгородская М. В.* Современная экономическая терминология (Состав. Устройство. Функционирование) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — 2-е изд. — М., 2000. — С. 162–236.

G. Shipitsina

PROCESSES OF DETERMINOLOGIZATION OF ECONOMIC VOCABULARY IN RUSSIAN OF THE XXI CENTURY

In the article the process of acquisition of additional lexico-semantic variants (sememes) of common usage by frequent economic terms in Russian of the XXI century has been researched, as well as the language mechanisms of this process at the level of the semantic structure of a sememe.

Key words: economic terminology system, a sememe, a polysemy, determinologization, common meaning, euphemisms.